

·the big book·

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Саксонские хроники

Последнее королевство

Бледный всадник

Властелин Севера

Песнь меча

Горящая земля

Гибель королей

Языческий лорд

Пустой трон

Воины бури

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ

ЯЗЫЧЕСКИЙ ЛОРД

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
К 67

Bernard Cornwell
THE PAGAN LORD
Copyright © 2013 by Bernard Cornwell
All rights reserved

Перевод с английского Александра Яковлева

Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Сергея Шикина

Карта выполнена Вадимом Пожидаевым-мл.

ISBN 978-5-389-12206-2

© А. Яковлев, перевод, 2018
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

Посвящается Тому и Дане
Go raibh míle maith agat¹

¹ Большое спасибо (*ирл.*).

КОРОЛЕВСКАЯ ДИНАСТИЯ УЭССЕКСА

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

Написание географических наименований в англосаксонской Англии отличалось разночтениями, к тому же существовали разные варианты названий одних и тех же мест. Например, Лондон в различных источниках называется Лундонией, Лунденбергом, Лунденном, Лунденом, Лунденвиком, Лунденкестером и Лундресом.

Без сомнения, у читателей есть свои любимые варианты в том списке, который я привожу ниже. Но я принимаю написание, предложенное «Оксфордским словарем английских географических названий», хотя словарь, разумеется, не является истиной в последней инстанции. В упомянутом словаре приводятся написания, относящиеся примерно ко времени правления Альфреда — 871–899 годам н. э.; к примеру, название острова Хайлинга в 956 году писалось и «Хейлинсиге», и «Хаэглингейте». Сам я тоже не был слишком последователен, прибегая к современному написанию «Англия» вместо «Инглаланд», используя «Нортумбрия» вместо «Нортхюмбралонд» и в то же время давая понять, что границы древнего королевства не совпадали с границами современного графства.

Итак, мой список, как и выбор написания мест, весьма нелогичен.

Афен — река Эйвон, Уилтшир
Беардан-Игге — Бардни, Линкольншир
Бebbанбург — Бамбург, Нортумберленд
Бедехэл — Биднелл, Нортумберленд
Бемфлеот — Бенфлит, Эссекс
Беоргфорд — Берфорд, Оксфордшир
Ботульфстан — Бостон, Линкольншир
Буккестан — Бакстон, Дербишир
Вилтунскир — Уилтшир

- Винтанкестер* — Винчестер, Гемпшир
Воднесфилд — Веднесбери, Западный Мидленд
Гевэск — залив Уош
Глевекестр — Глостер, Глостершир
Гримесби — Гримсби, Линкольншир
Дифлин — Дублин, Ирландия
Дунхолм — Дарем, графство Дарем
Кеодр — Чеддер, Сомерсет
Коддесволдские холмы — Котсволдские холмы, Глостершир
Корнуолум — Корнуолл
Кумбраланд — Камбрия
Ликкелфилд — Личфилд, Стаффордшир
Линдисфарена — Линдисфарн (Холи-Айленд), Нортумберленд
Линкольн — Линкольн, Линкольншир
Лунден — Лондон
Мэрс — река Мерси
Острова Фарнеа — острова Фарн, Нортумберленд
Пенкрик — Пенкридж, Стаффордшир
Сестер — Честер, Чешир
Сестерфельда — Честерфилд, Дербишир
Сирренкастр — Сайренсестер, Глостершир
Скеапиг — остров Шеппей, Кент
Снотенгахам — Ноттингем, Ноттингемшир
Сэферн — река Северн
Темез — река Темза
Теотанхель — Теттенхолл, Западный Мидленд
Тофкестер — Таустер, Нортгемптоншир
Тэмвортиг — Тэмворт, Стаффордшир
Уиск — река Эск
Фагранфорда — Фейрфорд, Глостершир
Фланебург — Фламборо, Йоркшир
Фойрт — река Форт, Шотландия
Хайтабу — Хедебю, Дания
Хамбр — река Хамбер, Хумбер
Холм Эска — Ашдон, Беркшир
Эксанкестер — Эксетер, Девон
Эофервик — Йорк, Йоркшир
Этандун — Эдингтон, Уилтшир

Часть первая

АББАТ

Глава первая

Было пасмурно. Небо создали боги, оно отражает их настроение. В тот день боги хмурились. Стояла середина лета, но с востока налетел холодный дождь. Похоже на зиму.

Я сидел на Молнии, своем лучшем коне. Это был жеребец, черный как ночь, но с серой полосой, сбегаящей по крупу. Его назвали в честь большой гончей, которую я принес некогда в жертву Тору. Мне не хотелось убивать пса, но боги жестоки: они требуют от нас жертв, а потом затыкают уши. Молния был здоровенным животным, могучим и злым — настоящий боевой конь. На левом боку у меня висел Вздых Змея, лучший из мечей, хотя против врага, с которым мне предстояло сойтись в тот день, не требовался ни меч, ни щит, ни топор. Но я все равно нацепил клинок, потому как Вздых Змея — мой товарищ. Он до сих пор при мне. Когда я умру, а это произойдет скоро, кто-то сомкнет мои пальцы вокруг кожаной оплетки потертой рукояти, и меч вознесет меня в Валгаллу, обитель душ воинов и высших богов, и мы будем пировать.

Но это случится не сегодня.

В тот же темный летний день я сидел в седле посреди разбитой улицы, обратившись лицом к врагам. Я слышал их, но не видел. Они знали, что я здесь.

Ширина улицы позволяла двум повозкам с трудом разминуться друг с другом. По обе стороны тянулись хиж-

ны, плетеные стены которых были заляпаны грязью. Их соломенные крыши почернели от дождей и густо поросли лишайником. Лошадь по бабки тонула в жиже из размотой колесами телег грязи и дерьма собак и свободно гуляющих свиней. Пронизывающий ветер гнал рябь по лужам в колеях, рвал выходящий из отверстий в крышах дым, донося запах горящих поленьев.

Со мной было двое спутников. Из Лундена я выехал во главе двадцати двух человек, но в эту пропахшую навозом и мокрую от дождя дыру меня привело дело личного свойства, поэтому бóльшую часть своих людей я оставил в миле позади. За мной расположился Осберт, мой младший сын, на сером жеребце. Ему исполнилось девятнадцать, на нем была кольчуга, на боку висел меч. Парень стал уже взрослым мужчиной, но я продолжал думать о нем как о мальчишке. Меня он боялся, как я боялся своего отца. Некоторые матери балуют сыновей, но Осберт рос без матери, и я воспитывал его в строгости, так как мужчине полагается быть суровым. Мир полон врагов. Христиане учат нас любить врагов и подставлять другую щеку. Христиане — глупцы.

Рядом с Осбертом застыл Этельстан, незаконнорожденный старший сын Эдуарда, короля Уэссекса. Мальчишке стукнуло всего восемь, но, как и Осберт, он был облачен в кольчугу. Этельстан не боялся меня. Я попытался припугнуть его, но он только глянул на меня холодными синими глазами, потом ухмыльнулся. Я любил этого парнишку так же сильно, как Осберта.

Оба они приняли крещение. Я вел бой, который не мог выиграть. В мире смерти, предательства и нищеты христиане обречены на победу. Разумеется, старых богов до сих пор почитают, но их оттеснили в горные долины, потаенные места, к северным окраинам мира, тогда как христианство расплзается как чума. Пригвожденный Господь христиан всемогущ — я признаю это. Я всегда

знал, что их Бог обладает великой силой, и не понимал, почему мои боги позволяют ублюдку побеждать, но это так. Он лжец — вот единственное объяснение, которое приходит на ум. Распятый Бог шельмует и обманывает, а плуты и обманщики всегда выигрывают.

И вот я ждал на раскисшей улице, а Молния бил тяжелым копытом по луже. Поверх кожаного и кольчужного доспеха я набросил плащ из темно-синей шерсти с горностаевой оторочкой. На шее у меня висел молот Тора, а на голове возвышался шлем с волчьей мордой, прикрывающие щеки пластины были открыты. Дождь стекал с края шлема. Я надел кожаные сапоги и заткнул голенища тряпкой, чтобы влага не попадала внутрь, натянул боевые рукавицы. Руки унизаны золотыми и серебряными браслетами. Браслетами, которые воин получает, убивая врагов. Я был во всей своей славе, хотя неприятель, противостоявший мне, не заслуживал такой чести.

— Отец, — начал Осберт. — Что, если...

— Я обращался к тебе?

— Нет.

— Тогда молчи, — отрезал я.

Я не хотел этого показывать, но меня переполняла ярость. Гнев, не имеющий выхода, просто гнев на мир, на этот жалкий тусклый мир. Бессильный гнев. Враги прятались за закрытыми дверями и пели. Я слышал их голоса, хотя не различал слов. Они видели меня, без сомнения, как и то, что улица за моей спиной пуста. Обитатели этого городка не желали принимать участия в том, что случится.

Но что произойдет, я не знал и сам, хотя и стал причиной событий. А быть может, двери останутся запертыми и враги решат отсидеться в здании из прочных бревен? Наверняка именно этот вопрос собирался задать Осберт. Что, если враги не выйдут? Сын едва ли назвал бы их врагами — скорее сказал бы так: «Что, если они не выйдут?»

— Если они не выйдут, — проговорил я, — мне придется вышибить их проклятые двери, войти и вытащить ублюдка. Если до этого дойдет, вы двое останетесь здесь и будете держать Молнию.

— Да, отец.

— Я пойду с тобой, — заявил Этельстан.

— Пойдешь, если я тебе велю.

— Да, господин Утред, — почтительно отозвался мальчонка, но я знал, что он ухмыляется.

Мне не требовалось оборачиваться, чтобы уловить эту дерзкую ухмылку, но не обернулся я потому, что в этот миг пение прекратилось. Некоторое время спустя двери открылись.

Вышли сначала полдюжины старших, затем младшие. Я видел, как последние смотрят на меня, но даже вид Утреда, вождя во славе и гневе, не мог умерить их радости. Эти парни выглядели такими счастливыми: улыбались, хлопали друг друга по спине, обнимались и смеялись.

Шестеро стариков не смеялись. Они направились ко мне, я же не тронулся с места.

— Мне сказали, что ты господин Утред, — заговорил один из них.

Старик был одет в грубый белый балахон и подпоясан веревкой. Узкое, темное от загара лицо бороздили морщины, особенно глубокие вокруг глаз и у рта. Седые волосы падали на плечи, а борода спускалась до пояса. Физиономия его показалась мне лукавой, вместе с тем в нем чувствовалась властность. Видимо, это был церковник высокого ранга — в руке он держал тяжелый посох, увенчанный узорчатым серебряным крестом.

Я молчал, разглядывая молодежь. По большей части то были мальчишки или мальчишки, недавно ставшие мужчинами. Макушки, где им выбрили волосы, блестели в тусклом свете дня. Вот из дверей вышло несколько чело-

век постарше. Я предположил, что это родители мальчиков-мужчин.

— Господин Утред, — снова начал церковник.

— Я заговорю с тобой, когда буду готов говорить, — буркнул я.

— Едва ли это случится, — заявил он, обратив ко мне крест, будто тот мог меня напугать.

— Прополощи свой поганый рот козлиной мочой, — прикрикнул я на него.

Наконец я заметил юнца, которого искал, и ударом каблуков бросил Молнию вперед. Двое из старейшин попытались меня задержать, но жеребец клацнул своими зубищами, и церковники отшатнулись. Лучшие копейщики данов разбегались перед Молнией, шестеро же стариков разметало, как хлебные крошки. Я направил скакуна в толпу молодежи, наклонился и ухватил черную рясу одного из юнцов. Подняв, я швырнул его животом на луку седла и коленями развернул коня.

Тут и начались сложности. Двое или трое из юнцов попытались помешать мне. Один схватил жеребца за уздечку. То была ошибка, большая ошибка. Клацнули зубы, мальчик-муж вскрикнул, я вздыбил коня, и тот замолотил передними копытами. Я слышал, как одно из них с хрустом ударило в кость, увидел брызнувшую кровь. Молния, обученный двигаться, чтобы не дать противнику спутать задние ноги, кинулся вперед. Я подгонял его, заметив упавшего человека с раскроенным черепом. Другой болван схватил меня за правый сапог в расчете стянуть с седла. Я с силой опустил кулак, и хватка ослабла. Потом вызов мне бросил человек с длинными седыми волосами. Он кинулся за мной в толпу, веля отпустить пленника, после чего, как дурак, замахнулся тяжелым серебряным крестом на длинной палке в сторону головы Молнии. Но привычный к бою конь легко увернулся, я же склонился, схватил посох и вырвал его из рук старика.

Но тот не сдавался: изрыгал проклятия, вцепился в узду скакуна и попытался подтащить жеребца поближе к юнцам. В этой куче меня, надо полагать, рассчитывали одолеть числом.

Я вскинул посох и с силой опустил его, пользуясь нижним концом как копьем. Я не знал, что тот увенчан железным наконечником, вероятно с целью втыкать крест в землю. Я хотел только оглушить глупца, но вместо этого посох погрузился ему в голову, пробив череп. Мрачный серый день обагрился кровью. К христианским небесам вознеслись вопли, я бросил посох, и одетый в белое — а теперь в белое с красным — человек остался стоять, покачиваясь. Рот его открывался и закрывался, глаза блестя, а христианский крест торчал из головы. Длинные седые волосы стали красными, потом он упал. Просто рухнул, как камень.

— Аббат! — взвился крик.

Я ударил Молнию в бока, и конь устремился вперед, раскидав последних юнцов. Их матери завизжали. Лежащий поперек моего седла пытался вырваться, и едва мы выбрались из толпы на пустую улицу, я резко ударил его по шее.

Этот парень был моим сыном. Моим старшим сыном. Его звали Утред, сын Утреда, и я слишком поздно прискакал из Лундена, чтобы помешать ему стать священником. Бродячий проповедник, один из тех длинноволосых, с нечесаной бородой попов с глазами безумца, которые выманивают у глупцов серебро в обмен на благословение, сообщил мне о решении сына.

— Весь христианский мир возрадуется, — заявил он, лукаво глядя на меня.

— Чему возрадуется? — спросил я.

— Тому, что сын твой станет священником! Через два дня, как я слышал, в Тофкестере.

Этим и занимаются христиане в своих церквях — плодят колдунов, превращая мальчиков в чернорысих

попов, которые будут распространять это дерьмо еще дальше. И вот мой сын, мой старший сын, стал теперь проклятым христианским священником. Я снова ударил его.

— Ублюдок, — прорычал я. — Черноутробный ублюдок. Предатель, маленький идиот!

— Отец... — заикнулся он.

— Я тебе не отец! — взвыл я.

Выбрав на улице особо зловонную кучу навоза, сочившуюся влагой у стены сарая, я подъехал ближе и швырнул Утреда в нее:

— Ты не мой сын. И имя тебе не Утред.

— Отец...

— Хочешь, чтобы Вздох Змея коснулся твоего горла? — крикнул я. — Если желаешь быть моим сыном, скинь этот проклятый черный балахон, надень кольчугу и делай то, что я тебе скажу!

— Я служу Господу.

— Тогда выбирай себе собственное проклятое имя. Больше ты не Утред Утредсон. — Я повернулся в седле. — Осберт!

Младший направил жеребца ко мне. Вид у парня был встревоженный.

— Отец?

— С этого дня тебя зовут Утредом.

Он посмотрел на брата, потом на меня и неохотно кивнул.

— Как твое имя? — спросил я.

Юнец поколебался, но, видя мой гнев, снова кивнул:

— Меня зовут Утред, отец.

— Ты — Утред Утредсон, мой единственный сын!

Однажды, давным-давно, подобное случилось и со мной. Отец, которого звали Утредом, нарек меня Осбертом, но когда моего старшего брата, тоже Утреда, убили даны, мне дали новое имя. В нашей семье так заведено:

старший сын наследует родовое имя. Моя мачеха, глупая баба, во второй раз даже окрестила меня, сказав, что иначе охраняющие небесные врата ангелы не узнают моего нового имени. Меня засунули в бочку с водой, но христианство, хвала Иисусу, смылось — я обрел старых богов и до сих пор почитаю их.

Пятеро старших священников нагнали меня. Я знал двоих из них, близнецов Сеолнота и Сеолберта. Лет тридцать назад мы вместе были заложниками в Мерсии. Нас, мальчишек, пленили северяне: судьба, которая устраивала меня, но вызывала отвращение у близнецов. Теперь они превратились в стариков: два похожих как две капли воды попа крепкого сложения, седобородые, с искаженными гневом круглыми лицами.

— Ты убил аббата Витреда! — прокричал мне один.

Он был потрясен, взбешен, почти невменяем от ярости. Я понятия не имел, который это из близнецов, потому как никогда не умел различать их.

— И лицо отца Бургреда изуродовано! — верещал второй.

Он двинулся, словно намереваясь ухватить жеребца за узду, и я быстро развернул коня, чтобы братьям грозили большие желтые зубы, изукрашившие лицо недавно рукоположенному священнику. Близнецы отпрянули.

— Аббат Витред! — простонал первый. — Он был святым человеком, никто не сравнится бы с ним!

— Он напал на меня, — ответил я.

На самом деле у меня не было намерения убивать старика, но указывать на это близнецам не имело смысла.

— Кара ждет тебя! — провозгласил один из них. — Ты будешь проклят на веки вечные!

Второй протянул руку несчастному юнцу в навозной куче и окликнул:

— Отец Утред!

— Его зовут не Утред! — рявкнул я. — И если он осмелится величать себя так, — с этими словами я посмотрел

на парня, — то я найду его, вспорю живот до костей и скормлю черные потроха своей свинье. Это не мой сын. Он не достоин быть моим сыном!

Человек, недостойный быть моим сыном, с сочным чавканьем оторвался от навозной кучи. С него стекало дерьмо.

— Тогда как же меня называть? — поинтересовался он.

— Иудой, — с насмешкой бросил я.

Меня растили как христианина и пичкали историями про святых, поэтому я знал про Иуду, предавшего распятого Бога. Мне эти сказки всегда казались бессмысленными. Бог позволил пригвоздить себя к кресту, чтобы стать спасителем людей, и в то же время христиане ненавидят человека, сделавшего эту смерть возможной. Помоему, им стоит почитать его как святого, но они клеймят его предателем.

— Иудой, — повторил я, довольный, что вспомнил имя.

Юнец, бывший моим сыном, помолчал, потом кивнул.

— Отныне зовите меня отцом Иудой, — объявил он близнецам.

— Ты не можешь наречь себя... — начали Кеолнот и Кеолберт.

— Я — отец Иуда, — заявил парень твердо.

— Ты будешь отцом Утредом! — крикнул ему один из близнецов, потом указал на меня. — У него нет здесь власти! Он язычник, отщепенец, проклятый Богом!

Поп трясся от злости и едва мог говорить, но потом сделал глубокий вдох, закрыл глаза и воздел обе руки к хмурому небу.

— О Бог! — возопил он. — Обрушь гнев свой на этого грешника! Покарай его! Сгни урожай его и порази его недугом! Яви силу свою, Господи! — Голос чернорясого сорвался на визг. — Во имя Отца и Сына и Святого Духа, я проклинаю этого человека и весь корень его!

Священник собирался с силами, я же тронул Молнию коленями, подведя могучего коня на шаг ближе к брызжущему слюной дураку. Я злился не меньше близнецов.

— Прокляни его, Господи! — снова взвыл поп. — И по великой милости Твоей низвергни сего язычника! Прокляни его и всю родню его, да не знать им никогда благодати! Обреки его, о Всевышний, на грязь, боль и нищету!

— Отец! — воскликнул тот, кто был моим сыном.

Этельстан хмыкнул, а Утред, мой единственный сын, ахнул. Потому что я пнул вопящего дурака. Высвободил правую ногу из стремени и нанес удар тяжелым сапогом. Поток слов оборвался, сменившись потоком крови. Близнец отшатнулся, правая ладонь его зажимала изуродованный рот.

— Зубы сплюнь! — приказал я, а когда он не подчинился, наполовину извлек Вздох Змея.

Поп сплюнул смесь из крови, слюны и осколков зубов.

— Ты который из вас? — уточнил я у другого близнеца. Тот вытаращился на меня, потом спохватился:

— Кеолнот.

— Ну, теперь я хотя бы смогу различать вас, — буркнул я.

На отца Иуду я не посмотрел, просто ускакал прочь. Домой.

* * *

Наверное, проклятие Кеолберта сработало, потому как дома меня ждали смерть, дым и разорение. Кнут Ранулфсон совершил набег на мои земли. Он сжег дом. Убил моих людей. И он взял в плен Сигунн.

Все это выглядело невероятным в те дни. Мои владения располагались близ Сирренкастра, в сердце Мерсии. Шайка конных данов, рискуя жизнью и свободой, забралась так далеко, чтобы напасть на мой дом. Это я мог

понять. Победа над Утредом позволяла составить мужчине имя, давала поэтам повод сочинять хвалебные песни, но враги объявились, когда дом стоял почти пустой. Они ведь наверняка высылали разведчиков. У них обязательно имелись соглядатаи среди местного населения. Лазутчики должны были сообщить врагу, что меня вызывали в Лунден к королю Эдуарду посоветоваться насчет городских укреплений. И все же они, пойдя на страшный риск, напали на почти пустой дом? Бессмыслица.

И они забрали Сигунн.

Мою женщину. Не жену. После смерти Гизелы я не взял новую супругу, хотя любовницы у меня имелись. Этельфлэд была моей любовницей. Этельфлэд была женой другого и дочерью покойного короля Альфреда, и мы не могли создать семью. Вместо нее со мной жила Сигунн, и Этельфлэд это знала.

— Не будь Сигунн, — сказала она мне однажды, — ты взял бы другую.

— А возможно, дюжину других.

— Не исключено.

Я захватил Сигунн в Бемфлеоте. Она была из данов — стройная, белокожая красавица-данка. Она рыдала по убитому мужу, когда ее вытащили из канавы, по которой струилась кровь. С тех пор мы прожили вместе без малого десять лет. Сигунн оказывали почет и осыпали ее золотом. Она была хозяйкой моего дома и вот теперь пропала. Ее увез Кнут Ранулфсон, Кнут Длинный Меч.

— Это случилось три утра назад, — сообщил Осферт.

Осферт — бастард короля Альфреда. Родитель хотел сделать из него священника, но парень, хоть и обладал лицом и складом ума клирика, предпочел стать воином. Осферт был осторожен, сдержан, умен, надежен и редко выходил из себя. Он напоминал своего отца, и чем старше становился, тем больше усиливалось сходство.

— Значит, в воскресенье утром, — уныло заметил я.

— Господин, все были в церкви, — пояснил Осферт.

— Кроме Сигунн.

— Она не христианка, господин, — сказал он с упреком в голосе.

Финан, мой товарищ и человек, кому я поручал командовать войсками на время своего отсутствия, увел двадцать воинов на усиление свиты Этельфлэд, объезжавшей Мерсию. Она осматривала бурги, обороняющие Мерсию от данов, и наверняка молилась в церквях по дороге. Ее муж Этельред неохотно покидал убежище в Глевекестре, поэтому Этельфлэд выполняла его обязанности. У нее имелись свои воины, но я все-таки опасался за дочь Альфреда: угроза исходила не со стороны мерсийцев, обожавших госпожу, но от окружения ее супруга. Поэтому я настоял, чтобы она взяла Финана и двадцать человек. В отсутствие ирландца за оборону Фагранфорды отвечал Осферт. У него осталось шесть воинов для охраны дома, амбаров, конюшни и мельницы, и этих шести должно было хватить за глаза, потому как мое имение лежало вдалеке от земель, где правят даны.

— Господин, я виноват, — сказал Осферт.

— Шестерых было достаточно, — пробормотал я.

И все шестеро мертвы, как и Херрик, мой увечный управляющий, и еще трое слуг. Увели сорок или пятьдесят лошадей, дом сожгли. Стены частично стояли, ощерясь обгорелыми бревнами, но центральная часть здания превратилась в кучу дымящегося пепла. Даны нагрянули стремительно, взломали дверь, зарезали Херрика и всех, кто пытался сопротивляться, потом забрали Сигунн и ушли.

— Они знали, что вы все уйдете в церковь, — сказал я.

— Почему и пришли в воскресенье, — закончил мысль Ситрик, еще один из моих подручных.

— И знали, что ты не будешь на службе, — добавил Осферт.

— Сколько их было? — спросил я.

— Сорок или пятьдесят, — терпеливо ответил он.

Я задавал ему этот вопрос раз в десятый. Даны не стали бы предпринимать такой набег забавы ради. Близ их земель найдется достаточно саксонских поместий, но эти парни рискнули забраться вглубь Мерсии. Ради Сигунн? Для них она никто.

— Господин, враги приходили убить тебя, — произнес Осферт.

Но даны наверняка наперед разведали местность, переговорили с путниками и знали, что я постоянно держу при себе по меньшей мере двадцать воинов. Я предпочел не брать эти два десятка в Тофкестер, собираясь наказать того, кто раньше был моим наследником, потому что воину не требуется столько помощников, чтобы разобратся с кучкой попов. Мне в качестве спутников вполне хватило сына и мальчишки. Однако даны не могли ведать, что я буду в Тофкестере, — я сам не собирался туда, пока не услышал новость, что мой проклятый отпрыск решил заделаться христианским колдуном. И все же, вопреки опасности наткнуться на моих людей, Кнут Ранулфсон повел своих в долгий, бесцельный набег. Да, численный перевес в случае встречи оказался бы на его стороне, но Кнут потерял бы больше воинов, чем мог себе позволить. Длинный Меч — человек расчетливый, не склонный к опрометчивым поступкам. Полная бессмыслица.

— Ты уверен, что это был Кнут Ранулфсон? — спросил я у Осферта.

— Господин, у них было его знамя.

— Секира и перерубленный крест?

— Да, господин.

— А где отец Кутберт?

У меня есть священники. Я не христианин, но хватка распятого Бога такова, что большинство моих воинов

крещены. В те дни моим священником был Кутберт. Мне он нравился — сын каменщика, долговязый и нескладный, женат на вольноотпущеннице со странным именем Мехраза. То была смуглая красотка, плененная в какой-то диковинной стране на юге. В Британию ее привез работорговец, умерший от моего меча, и вот теперь Мехраза выла и стенала, что ее муж исчез.

— Почему его не было в церкви? — спросил я Осферта. Тот только пожал плечами. Я продолжил желчно: — Брюхатил Мехразу?

— А разве когда бывает иначе? — В голосе Осферта снова прозвучало неодобрение.

— Тогда куда он делся?

— Может, они забрали его? — предположил Ситрик.

— Эти скорее убьют священника, чем возьмут в плен, — возразил я.

Я направился к сгоревшему дому. Люди ковырялись в пепле, растаскивая обугленные, дымящиеся бревна. Быть может, тело Кутберта лежит под ними, черное и съезжившееся.

— Расскажи, что ты видел, — снова обратился я к Осферту.

Тот терпеливо повторил. Он был в церкви Фагранфорды, когда услышал крики со стороны усадьбы, расположенной неподалеку. Осферт выбежал из церкви и увидел, как в летнее небо поднимается первый дымок, но к моменту, когда ему удалось собрать людей и оседлать лошадь, враги ушли. Он последовал за ними, сумел разглядеть и уверен, что видел Сигунн среди всадников, облаченных в черные кольчуги.

— Господин, на ней было белое платье. То самое, которое тебе нравится.

— Но отца Кутберта ты не обнаружил?

— Он был в черном, как и большинство конников, поэтому я мог его не заметить. Ближе к нам подойти не удалось, даны мчались как ветер.

Среди золы обнаружили кости. Я миновал дверь старого дома, обозначенную обгоревшими столбами, и вдохнул запах горелой плоти. Отпихнув обугленную балку, заметил в пепле арфу. Почему она не сторела? Струны ссохлись до черных стручков, но рама выглядела целой. Я поднял инструмент, и теплое дерево попросту раскрошилось у меня в руках.

— Что случилось с Осликом? — спросил я.

Ослик был арфистом, поэтом, распевавшим боевые песни.

— Его убили, господин, — сказал Осферт.

Мехраза завывала еще громче. Она смотрела на кости, которые выгребали из золы.

— Вели ей заткнуться! — рявкнул я.

— Господин, это собачьи кости. — Крестьянин с граблями поклонился мне.

Домашние псы, которых так любила Сигунн. Мелкие терьеры, обученные истреблять крыс.

Крестьянин выудил из пепла оплавившееся серебряное блюдо.

— Они пришли не убить меня, — пробормотал я, глядя на маленькие грудные клетки терьеров.

— А зачем еще? — удивился Ситрик.

Ситрик был некогда моим слугой, а теперь стал дружинником, причем хорошим.

— Они пожаловали за Сигунн, — буркнул я, потому что не мог придумать иного объяснения.

— Но почему, лорд? Она ведь не твоя жена.

— Не жена. Но я люблю ее. Это значит, Кнуту что-то нужно.

— Кнут Длинный Меч, — с угрозой проговорил Ситрик.

Ситрик не был трусом. От Кьяртана, своего отца, Ситрик унаследовал искусство обращения с оружием. Воин стоял рядом со мной в «стене щитов», и я знал его

храбрость, но при имени Кнута голос его дрогнул. Неудивительно — Кнут Ранулфсон был легендой в землях, где правят даны. Худощавый мужчина с очень бледной кожей и волосами белыми, как кость, хотя совсем еще не старик. Думается, ему было лет под сорок — это довольно много, но волосы Кнута белы с самого рождения. Уродился он хитрым и безжалостным. Его меч, Ледяная Злость, вселял страх от северных островов до южного побережья Уэссекса, а слава привлекала дружинников, пересекавших моря, чтобы служить такому вождю. Он и его приятель Зигурд Торрсон — самые могущественные лорды данов в Нортумбрии. Они питали намерение сделаться таковыми для всей Британии, да только один недруг раз за разом давал им отпор.

И вот теперь Кнут Ранулфсон, Кнут Длинный Меч, этот самый опасный мечник в Британии, захватил женщину этого недруга.

— Ему нужно что-то, — повторил я.

— Ты? — спросил Осферт.

— Это мы узнаем, — проговорил я. И оказался прав.

То, чего хотел Кнут Ранулфсон, мы выяснили в тот вечер, когда отец Кутберт вернулся домой. Священника привез торговец пушниной — Кутберт сидел у него в фургоне. Предупредила нас Мехраза — ее вопль.

Я был в большом амбаре, который даны не успели спалить, а мы стали использовать как жилой дом, пока не построим новый. Я наблюдал, как работники складывают из камней очаг, а услышав крик, выбежал наружу и заметил подскакивающий на кочках фургон. Мехраза вцепилась в мужа, а Кутберт размахивал длинными костлявыми руками. Мехраза не умолкала.

— Тихо! — рявкнул я.

Мои люди выскочили вслед за мной. Торговец пушниной остановил фургон и при моем приближении рухнул на колени. Он сообщил, что нашел отца Кутберта на севере.

— Господин, священник был у Беоргфорда, у реки, — сообщил купец. — Они швырялись в него камнями.

— Кто швырялся камнями?

— Мальчишки, господин. Дети баловались.

Выходит, Кнут направился к тому броду и там, скорее всего, отпустил попа. Длинная ряса Кутберта была порвана и перепачкана, а бритый череп украшали багровые шишки.

— Как ты поступил с мальчишками?

— Просто разогнал, господин.

— Где он был?

— В камышах, лорд, у реки. Плакал.

— Отец Кутберт! — воскликнул я, подходя к фургону.

— Господин! Господин! — Священник протянул мне руку.

— Он не может плакать, — сказал я торговцу. — Осферт, дай этому человеку денег. — Потом снова обратился к купцу: — Мы накормим тебя и приютим на ночь лошадей.

— Господин! — проскулил отец Кутберт.

Я подошел к повозке и поднял попа. Тот был высоким, но на удивление легким.

— Стоять можешь? — спросил я его.

— Да, господин.

Я опустил священника на землю, придержал, потом отступил на шаг, давая Мехразе обнять мужа.

— Господин, — пробормотал он поверх плеча жены. — У меня послание.

Голос у него был такой, будто он плачет. Возможно, так оно и было, да только человек без глаз не может плакать. Тот, у кого вместо глаз две кровавые дыры, не льет слез. Слепленный и хотел бы заплакать, да не выйдет. Кнут Ранулфсон выдавил ему глаза.

* * *

Тэмворпиг — вот где я должен был встретиться с Кнутом Ранулфсоном.

СОДЕРЖАНИЕ

Географические названия	9
Часть первая. АББАТ	11
Часть вторая. «ПОЛУНОЧНАЯ»	71
Часть третья. СЛУХИ О ВОЙНЕ	161
Часть четвертая. ЛЕДЯНАЯ ЗЛОСТЬ	295
Историческая справка	378

Корнуэлл Б.

К 67 Языческий лорд : роман / Бернард Корнуэлл ; пер. с англ. А. Яковлева. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 384 с. — (The Big Book. Исторический роман).

ISBN 978-5-389-12206-2

После кончины короля Альфреда Великого в Британии наступил мир — весьма условный и непрочный, ведь страна разделена пополам. Воинственное племя данов по-прежнему претендует на юг острова, а саксы хотят присвоить северные земли. И вот предводитель данов Кнут Длинный Меч нарушает границу. С какой целью? Его отряд немногочислен, и этот риск кажется неоправданным.

Тем временем Утред Беббанбургский, прославленный полководец, некогда сражавшийся на стороне Альфреда Великого, совершает непростительный поступок, за который его предадут анафеме, и становится изгоем. Впрочем, умудренный опытом Утред никогда не ждал благодарности от сильных мира сего. Он снаряжает корабль и плывет в Нортумбрию, чтобы с помощью хитроумного плана вернуть свои владения — неприступную крепость Беббанбург. Южная Британия остается без надежного защитника и превращается в плацдарм. Предстоит жестокое сражение между данами и саксами, и от его исхода будет зависеть, какое название получит в веках эта обильно политая кровью земля...

Седьмой роман из цикла «Саксонские хроники».

Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ
ЯЗЫЧЕСКИЙ ЛОРД

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Андрей Чукуров
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Габовой
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Елена Терскова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 23.03.2018. Формат издания 60 × 90 1/16.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 24. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-BBH-20239-01-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/